

По благословению благочинного протоиерея Петра Симора. Приложение к газете "Верую"

9 октября читается память Иоанна Богослова – Апостола любви. Так называет этого ученика Христова Церковь, руководствуясь словами его послания: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1Иоан.4:8). И поэтому каждому, кто хочет быть с Богом, необходимо иметь в себе любовь истинную. Как отличить настоящую любовь от всепоглощающего эгоизма нашего времени? Обратимся за вразумлением к святым...

Никакое слово не достаточно для того, чтобы по достоинству изобразить любовь, так как она не земного, но небесного происхождения... даже язык Ангелов не в состоянии в совершенстве исследовать ее, так как она беспрерывно исходит из великого разума Божия.

В любви вот что удивительно: к другим добродетелям может примешиваться зло, - например, нестяжательный часто тем самым надмевается; красноречивый впадает в болезнь честолюбия, смиренномудрый часто тем самым превозносится в своей совести, а любовь свободна от всякой подобной заразы, никто никогда не станет превозноситься пред любимым.

Любовь изменяет самое существо вещей и неразлучно приносит с собою все блага.

Каковы мы к ближнему, таким и Бог будет в отношении нас.

Любовь больше молитвы, потому что молитва есть добродетель частная, а любовь есть добродетель всеобъемлющая.

Если уничтожится милосердие на земле, то все погибнет и истребится. Св. Иоанн Златоуст.

Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть. Прп. Иоанн Лествичник.

Настолько любовь выше всех добродетелей, что без нее ни одна из них, ни все они вместе совершенно не принесут никакой пользы стяжавшему их. Прп. Симеон Новый Богослов.

Не столько мы ищем (любовь), сколько Бог ищет, чтобы мы сделались способными принять ее и приняли ее.

Не ищите и не ожидайте любви от человеков, ищите всеильно и требуйте от себя любви и соболезнования к человекам.

Если ты думаешь, что любишь Бога, а в сердце твоём живет неприятное расположение хотя к одному человеку, то ты в горестном самообольщении. Свт. Игнатий Брянчанинов.

Где нет мира, там нет Бога. Авва Исаяя.

Жизнь сердца - это любовь, а его смерть - это злоба и вражда. Господь для того и держит нас на земле, чтобы любовь всецело проникла наше сердце: это цель нашего существования. Иоанн Кронштадтский.

Не променяй любви к ближнему на любовь к какой-нибудь вещи, потому что, любя ближнего, ты приобретаешь в себе Того, Кто драгоценнее всего в мире. Оставь малое, чтобы приобрести великое; пренебреги излишним и ничего не значащим, чтобы приобрести многоценное. Преп. Исаак Сириянин.

ВЛАДЫКА

Владыка отдыхает. Он прилег, но спать не может - думает о чем-то, молится, шевеля губами, и слезы застилают сильно блестящие из-под морщинистых век глаза. Он смотрит на стену, на самое любимое - на Казанскую икону Божией Матери... Икона, судя по всему, гораздо старше владыки. Она очень темная, изображение просматривается с трудом, да еще идут по нему какие-то белесые пятна, отчего - никто не может сказать. Но икона эта для владыки - самая дорогая. Глядя на нее, он вновь видит себя в небогатом старинном монастыре, где начинал он юношей нелегкое свое служение...

Колокольный звон - на всю округу. Праздник. Только что отошла литургия, наместник сказал проникновенное слово. Мужики, бабы, приодевшиеся ради красного дня, благоговейно-умилненные, радостные, чинно идут из храма к воротам. Вот расступаются все, господа - отец и дочь - почтили монастырь своим присутствием. Девушка, выходя из храма, тоненькой ручкой в белой перчатке высыпает горсть монет в красную лапищу стоящего на паперти нищего, и тот суетливо и подобострастно кланяется. Этот нищий курсирует постоянно между городскими Знаменским храмом и монастырем. Здесь его знают все. Одет он далеко не в лохмотья, а в платье, бывшее когда-то вполне добротным, но ныне выпачканное, засаленное неимоверно. Лицо его при самом быстром рассмотрении не оставляет сомнений в пагубных наклонностях сего мужа, ясно, что собранные на паперти копеечки идут не столько на яство, сколько на питье. Будущий владыка, не рассуждая, всегда подавал ему. Праздничный день истекал, когда отец Иоанн (так звали будущего владыку), исполняя послушание, данное наместником, пересекал монастырский двор. За воротами, еще не запертыми, стоял тот самый нищий и пререкался с оказавшимся здесь какими-то судьбами экономом.

- Да ты, братец, совсем ошалел! - не по-монастырски трубно взывал эконоом. - Сто рублей! Видимое ли дело! Да она и червонца не стоит...

- Дешевше не отдам! А не возьмете - в овраг выкину... и туда же за ней кинусь.

- Иди проспись, братец, - потерял терпение эконоом. - Иди, иди, нечего

тут... сторож скоро ворота запирает будет.

И развернувшись круто, пошел в келейный корпус. Словно сами собой ноги понесли отца Иоанна к нищему. Тот стоял как истукан и под ноги смотрел. А когда поднял голову на отца Иоанна - с изумлением увидел монаха в светлых, вдруг очеловечившихся глазах пропойцы горькие слезы. Юный монах сентиментальным не был, но сам вдруг сглотнул комок в горле.

- Что это у тебя? - тихо спросил, кивнул на предмет, который нищий бережно держал в руках. Тот без слов приблизил предмет чуть ли не к глазам отца Иоанна. Предмет оказался старой иконой плачевного вида, на крепкой, впрочем, доске просматривался тонко выписанный лик Богородицы Казанской... И то ли слезы, непонятно как на глаза навернувшиеся, то ли свет закатный явили на иконном лице Богородицы странное выражение. Пресвятая Владычица живым - и строгим, и просящим в то же время взором глядела прямо в душу отца Иоанна.

- Сто рублей! - хрипло потребовал тот.

- Будет сто рублей, - неожиданно, сам себе удивляясь, изрек отец Иоанн. - Через неделю. Принесешь? Они снова глянули друг другу в глаза.

В эту же ночь он написал письмо брату, лихому гусару, который, случалось, проигрывал за зеленым сукном в одну ночь немислимые суммы, прося его прислать ему лично сто рублей. Деньги

пришли незамедлительно. Еще через неделю икона замироточила... Никогда еще в старинном их монастыре не вершилось от икон столь явных чудес. Эконом, узнавший икону, просто плакал. Забрав образ из келлии отца Иоанна, его поместили в храм у алтаря.

Мироточила Казанская икона две недели. За это время множество народа побывало у нее. И однажды произошло то, что старый владыка до сих пор вспоминал с умилением.

День был знойный и душный. Только в прохладности храма находилось спасение от жары. Отец Иоанн в очередной раз с тихой радостью зашел внутрь. Церковь была открыта для паломников, хотя служба уже давно закончилась. Женщина, полная, краснощекая, небедно одетая, с трудом из-за полноты своей делала земные поклоны пред храмовыми иконами... Вот она подошла к мироточивой. В этот момент отца Иоанна опять что-то

заставило повернуть голову и посмотреть в ее сторону. И хоть не видел он, как округлились глаза женщины, обращенные к образу, и как чуть ли не ужас мелькнул в этих добрых глазах, но... И вдруг женщина с криком кинулась к нему. Он отшатнулся, а она, падая на колени пред ним, закричала:

- Ой, батюшка, ой! Где образ этот взять изволили? Ой, скажи, Христом-Богом молю!

- Да я же и купил, да вот же... нищий на паперти стоял... да я сейчас его у ворот видел.

Заспешила, чуть ли не побежала богомолка к воротам. Не мог отец Иоанн не пойти за ней следом. Неизменный нищий, несмотря на полученные сто рублей, и впрямь был у ворот, рука протянута, губы что-то бормочут. Он и по направлению к женщине машинально руку протянул. А та остановилась на миг возле него, сказала "ох!" и с громким плачем, с надрывными бабьими причитаньями повисла у него на шее.

- Братец, родимый! - разнеслось на весь двор монастырский. - Да ты ли это? Ты, вижу, ты, соколик мой, Петечка, братик единственный...

- Фроська! Сеструха! - голос нищего захрипел и надломился.

Он обнял ее, прижал к себе, вернее, сам прижался в огромной пышной фигуре. И тоже беззвучно плакал.

- Да где ж носило тебя! Мы уж где не искали только... А нынче-то...

проездом я здесь, икона, баили, мироточит... Ну, думаю, погляжу пойду, приложусь к чудесному образу. Глянь, а это икона-то наша, та самая, что ты из дома забрал, как ушел... Вот чудо-то Господне!

- Да... оно, - пробормотал нищий.

- Что домой, дурачок, не вернулся, ждали, искали тебя...

- Не хотел перед отцом винуясь, - глухо выдавил он.

- Эх, а отец-то уж давно помер! - горестно выдохнула Евфросинья и перекрестилась.

- Царствие Небесное, - по-прежнему глухо отозвался Петр.

- Ну пошли, пошли со мной, Петечка! - встрепенулась Евфросинья.

- Домой тебя увезу. Овдовела я в прошлом году, одна как перст, будем вместе жить... Ой, как давно ж ты дома родного не видывал... Эти слова уже издали доносились до молодого монаха, Евфросинья увлекла брата за ворота... Понял теперь отец Иоанн, почему икона эта сто рублей стоила для несчастного человека. Видимо, последнее... Все остальное продано было, не хотел расставаться с ней, единственным, что от дома в память оставалось, да и не продать не мог. А если уж продать, то не за копейки, иначе тоже не мог...

Марина Кравцова

Свобода быть ответственным

Сейчас так много потребности в христианском служении, а вот православных христиан брать на служение не хочется. В больницу ухаживать за больными лучше взять неверующего человека, невоцерковленного, потому что от верующего часто невозможно ничего добиться. Есть три вещи, которые формируются от неправильного отношения к духовной жизни и к исповеди: состояние безответственности, когда человек, вместо покаяния, приносит жалобы, и, вместо смирения – смиреннословие.

Именно безответственность, желание совершенно никаким образом не отвечать за свою жизнь, часто приводит к поиску старчества. Многие люди в поиске сверхъестественного ждут, чтобы старец что-то говорил, открывал, прозревал и показывал человеку волю Божию.

А за неимением старца прихожане в случае многих священников насильно пытаются сделать некое уродливое подобие якобы старчества, духовнических якобы отношений старца и духовного чада. Вместо того чтобы жить духовной жизнью, человек приходит к священнику с тем, чтобы полностью взвалить на него всю ответственность за свою духовную жизнь. И поэтому эти бесконечные «батюшка, благословите на то, на се, на пятое-десятое» являются не желанием жить по воле Божией, а желанием вообще никогда ни за что не отвечать.

Отец Глеб Каледа жаловался, что сейчас так много потребности в христианском служении, а вот православных христиан брать на служение не хочется. В больницу ухаживать за больными лучше взять неверующего человека, невоцерковленного, потому что от верующего часто невозможно ничего добиться. Надо, например, чтобы православная прихожанка пришла сидеть с больным. Она не приходит, потом объясняет: «Мой батюшка сегодня служил, я не могла к нему не пойти».

И это во многом определяется тем, к кому приходит человек: к Богу или к священнику. Отношения между священником и, грубо говоря, чадом, или пасомым, складываются чисто человеческие. Мой батюшка сказал, сегодня служит мой батюшка, я пойду к моему батюшке. Когда священника пытаются использовать для того, чтобы снять с себя ответственность за свою духовную жизнь, исповедь превращается в нытье, в постоянную жалобу на то, как тяжело жить. Вместо покаяния и самоукорения - обвинение других. Человек «исповедовался» таким образом, его выслушали, и

ему становится полегче, поувереннее. Никто больше такого слушать не будет, тяжело, а священник как бы обязан - у него благодать, которая обязывает человека нести болезни всех людей. Так оно и есть, но человек начинает пользоваться этим для удовлетворения своего внутреннего эгоизма, подменяя исповедь жалобами.

Еще одна болезнь, когда человек ничего не хочет делать духовно, но свою духовную лень оправдывает такими словами: «я недостойный», или «я недостойная», или «я немощный», или «я немощная». Хотя, на самом деле, это гордый и совершенно ни в ком не нуждающийся человек. И получается, что тот, которому поручено жить по-христиански, отказывается от своего служения, от всех добрых дел, от несения своего креста. Вместо того, что святые отцы называют смиренномудрием, проявляется смиреннословие: «простите, благословите», «простите меня, грешную». Чуть что, сразу в ноги – бух: «ах, простите!» Вместо того чтобы что-то делать, менять, одни слова: «мы грешные», «мы недостойные», и соответствующая поза, соответствующая интонация, соответствующая форма одежды – все по образцу.

Такое же отношение и к духовнику. Всякая исповедь превращается в постоянное желание увильнуть от жизни. Человека почему-то начинает удовлетворять какое-то аморфное, безжизненное существование, когда он не решается ни на один поступок, ничего не хочет изменить, боится жить настоящей духовной жизнью. Это очень удобная позиция, когда за все отвечено, и складывается ложное представление о послушании, ложное представление о смирении, ложное представление о покаянии.

Таким искаженным пониманием духовной жизни часто определяется и отношение к духовнику, а иногда может сформировать и у самого духовника неправильное отношение к своему приходу: он начинает пользоваться такого рода людьми, они оказываются очень хорошо управляемыми: при случае - скандал учинят, за своего батюшку горой пойдут и т. д. Они жаждут стать не пасомыми, а управляемым стадом, у которого должен быть не пастух, а погонщик, который будет их прищелкивать кнутом и над ними властвовать. Им достаточно прийти к некоему лидеру, которым может быть, например, священник. Но ко Христу им идти не надо.

**Из книги прот. Алексия Уминского
“Тайна примирения”**

Отец Нафанаил

В издательстве Сретенского монастыря готовится к выходу в свет книга архимандрита Тихона (Шевкунова). В нее вошли реальные истории, произошедшие в разные годы, которые в дальнейшем были использованы в проповедях, произнесенных автором.

Если бы в то время кто-то предложил назвать самого вредного человека в Печорах, то без сомнений услышал бы в ответ только одно имя – казначей Псково-Печерского монастыря архимандрит отец Нафанаил. Причем в этом выборе были бы единодушны священники и послушники, монахи и миряне, коммунисты из печорского управления КГБ и местные диссиденты. Дело в том, что отец Нафанаил был не просто вредный. Он был очень вредный.

К тому времени, когда я узнал его, он представлял собой худенького, с острым пронзительным взглядом преклонных лет старца. Одет он был и зимой и летом в старую застиранную рясу с рваным подолом. За плечами обычно носил холщовый мешок, а в нем могло быть что угодно – и сухари, пожертвованные какой-то бабкой, и миллион рублей. И то и другое в глазах отца казначея являло собой чрезвычайную ценность, поскольку было послано в обитель Господом Богом. Все это достояние отец Нафанаил перетаскивал и перепрятывал по своим многочисленным потаенным кельям и складам.

Финансы монастыря были полностью в ведении и управлении отца Нафанаила. А тратить было на что: каждый день в обители садились за стол до 400 паломников и 100 монахов. Надо было обеспечивать бесконечные монастырские ремонты, новые стройки, да еще ежедневные житейские потребности братии, да помощь бедным, да прием гостей, да подарки чиновникам... Да и многое что еще. Как отец Нафанаил один справлялся со всеми этими финансовыми проблемами, не ведомо было никому. Впрочем, на его плечах лежало и все монастырское делопроизводство. А еще – составление устава для ежедневных длинных монастырских богослужений, обязанности монастырского секретаря, ответы на письма людей, обращавшихся в монастырь по самым разным вопросам, и, наконец, он делил с отцом Наместником труды по весьма, как правило, неприятному общению с официальными советскими органами. Все эти обязанности, от одного перечисления которых всякому нормальному человеку должно было быть плохо, отец Нафанаил исполнял с таким вдохновением и скрупулезностью, что мы иногда сомневались, осталось ли в нем что-то еще, кроме церковного бюрократа.

Ко всему прочему на отце казначее лежала обязанность надзора за нами – послушниками. И можно не сомневаться, что исполнял он это дело со свойственной ему дотошностью: подглядывал, высматривал, подслушивал – как бы мы чего не сотворили против уставов или во вред монастырю. Хотя, честно признаться, присматривать за послушниками действительно было надо: приходили мы из мира в обитель изрядными разгильдяями.

В своем усердии отец Нафанаил в буквальном смысле не ел и не спал. Он был не просто аскетом: никто, например, никогда не видел, чтобы он пил чай, а только простую воду. Да и за обедом съедал еле-еле пятую часть из того, что подавалось. Каждый вечер он непременно приходил на

ужин в братскую трапезную, но лишь с той целью, чтобы, сидя перед пустой тарелкой, придирчиво наблюдать за порядком.

При этом энергия его была изумительна. Мы не знали, когда он спит. Даже ночью в окнах его кельи через ставни пробивался свет. Старые монахи говорили, что в своей келье он либо молится, либо пересчитывает горы рублей и трёшек, собранных за день. Все это несметное богатство ему еще надо было аккуратно перевязать в пачки, а мелочь разложить по мешочкам. Когда он заканчивал с этим, то начинал писать руководство и пояснения к завтрашней службе: никто, как отец Нафанаил, не разбирался во всех особенностях и хитросплетениях монастырского уставного богослужения.

Вредность отца Нафанаила простиралась и на могучее Советское государство, особенно когда оно слишком бесцеремонно вмешивалось в монастырскую жизнь. Как известно, в те годы все граждане Советского Союза должны были принимать участие в выборах. В монастырь ящик для голосования приносили в трапезную, где после обеда братия под надзором Наместника, недовольно ворча, отдавали кесарю кесарево.

Но вот как-то первый секретарь Псковского обкома КПСС узнал, что для каких-то там невежественных монахов попущена нелепая льгота, так что они голосуют за нерушимый блок коммунистов и беспартийных в своем отжившем историческом веке монастыре, а не на избирательном участке. Первый секретарь Псковского обкома КПСС возмутился духом и устроил своим подчиненным беспощадный разгон за попустительство нетрудовому элементу. И немедля распорядился, чтобы отныне и до века чернецы приходили на выборы в Верховный Совет СССР как все советские люди – на избирательные участки по месту жительства! Вот тогда-то, как говорят, отец Нафанаил и пошептал Наместнику отцу Алипию на ухо тот самый до чрезвычайности тонкий совет. В

день выборов (а это было в воскресенье) после праздничной монастырской литургии из ворот обители вышел торжественный крестный ход. Выстроившись по двое, длинной чередой, под дружное пение тропарей монахи шествовали через весь город на избирательный участок. Над их головами реяли тяжелые хоругви, впереди по обычаю неслись кресты и древние иконы. Но это было еще не все. Как и положено, перед всяким важным делом, в зале выборов духовенство начало совершать молебен. До смерти перепуганные чиновники пытались протестовать, но отец Алипий строго оборвал их, указав, чтобы не мешали гражданам исполнять конституционный долг так, как это у них положено. Проголосовав, братия тем же чинным крестным ходом вернулись в святую обитель. Нет нужды объяснять, что к следующим выборам избирательная урна с раннего утра дожидалась монахов снова в монастырской трапезной.

Отец Нафанаил не дорого ценил слова, даже самые героические, и знал о советской власти и обо всем, что творилось в стране, не так, как мы – большей частью понаслышке да по книгам. Пройдя солдатом через всю войну, отец Нафанаил стал послушником великого Наместника архимандрита Алипия и духовным сыном святого печорского старца и чудотворца иеросхимонаха Симеона. И оба они, увидев в нем человека кристальной честности и необычайно живого ума, сделали его в тяжелейшие годы хрущевских гонений на Церковь казначеем и секретарем монастыря и поверили ему самые сокровенные монастырские тайны. Хотя отец Нафанаил всегда тщательно подчеркивал, что он не кто иной, как педантичный администратор и сухой службист, даже мы, послушники, через какое-то время стали догадываться, что свои духовные дарования он просто тщательно скрывает, как это, впрочем, делали все настоящие монахи в обители. Отец казначей не был официальным монастырским духовником. На исповедь к нему ходили из города лишь несколько печорских старожиллов, да еще кто-то приезжал к нему из далеких мест.

Остальных он как духовник не принимал, ссылаясь на свою неспособность к этому занятию. Но однажды он на мгновение приоткрыл сокровенную часть своей души. Я как-то провинился на послушании. Кажется, исполнил порученное мне дело очень небрежно. За это сам отец Наместник поставил меня три дня убирать снег со всей Успенской площади. Из последних сил работая лопатой, я взлелеял в сердце следующую картину. Когда Наместник будет проходить мимо меня на обед в братскую трапезную, то наверняка язвительно поинтересуется: «Ну, как живешь, Георгий?» И тут я отвечу – весело и беззаботно, как будто и не было этих трех каторжных дней: «Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!» И тогда он поймет, что меня так просто не сломить! И когда рядом проходил отец Нафанаил, я даже разулыбался ему, подходя под благословение. В ответ он тоже очень приветливо осклабился и осенил меня крестным знамением. Я склонился поцеловать его руку и вдруг услышал над собой скрипучий голос:

– Так значит: «Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!»? Но, заметив мой ужас, он уже с настоящей добротой проговорил:

– Смотри, Георгий, дерзость еще никого до добра не доводила!

И, перекинув свой мешок с миллионом, а может с сухарями, заскрипел по морозному снегу к братскому корпусу. А я остался стоять разинув рот и только смотрел, как оторванная подметка на башмаке казначея болтается при каждом шаге.

И еще он строго бдел над вековыми устоями монастыря и древними иноческими уставами. К примеру, он терпеть не мог, когда кто-то из братии уезжал в отпуск. Наместник архимандрит Гавриил тоже никогда отпуском не пользовался и косо смотрел на тех, кто приходил к нему с просьбами об отъезде.

Как-то, помню, Наместник все же благословил поехать в летний отпуск одному иеромонаху. Благословить-то он его благословил, но деньги на дорогу велел получить у казначея.

Я тогда дежурил на Успенской площади и был свидетелем этой

сцены. Началось с того, что иеромонах, собравшийся в отпуск, долго и впустую стучался в дверь кельи отца Нафанаила. Казначей, сразу поняв, о чем пойдет речь, затаился и не открывал. Тогда батюшка решил брать отца казначея измором. Он присел на скамью поодаль и стал ждать. Часа через четыре отец Нафанаил, опасливо озираясь, вышел на площадь, и тут его настиг отпускник с письменным благословением Наместника выдать деньги на дорогу.

Увидев бумагу, отец Нафанаил замер, совершенно убитый, а потом с воплем повалился на землю и, задрвав к небу руки и ноги (при этом из-под подрясника обнажились драные башмаки и синие выцветшие кальсоны), закричал во весь голос:

– Караул! Помогите! Грабят!!! Деньги им давай! В отпуск хотят! Устали от монастыря! От Матери Божией устали! Грабят! Караул! Помогите!!!

Бедный батюшка даже присел от ужаса. Изумленные иностранные туристы на площади стояли открыв рты. Схватившись за голову, иеромонах опрометью бросился в свою келью. А Наместник, стоя на балконе настоятельского дома, страшно довольный, взирал на всю эту картину. Увидев, что опасность миновала, отец Нафанаил совершенно спокойно поднялся, отряхнулся от пыли и отправился по своим делам.

Умирал вредный отец Нафанаил необычайно тихо и смиренно. Когда врачи предложили поставить ему сердечный электростимулятор, он умолил отца Наместника этого не делать: – Отцы, представьте, – говорил он, – душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает ее обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!

Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до кончины и был поражен его добротой и любовью. Вместо того чтобы беречь последние оставшиеся для жизни силы, этот невероятно бережливый во всем другом церковный скряга отдавал всего себя человеку, которого лишь на несколько минут посылал к нему Господь Бог. Как, впрочем, делал он это всю свою жизнь. Только когда-то мы этого не понимали.

Афон меняющийся

По предсказаниям святых старцев, Афон очень много значит в нашем эсхатологическом (касающемся конца времен) сознании. Предание гласит, что в последние времена засохнет Дуб Мамврийский, перестанет сходить Благодатный огонь и Афон уйдет под воду. Афон пока еще высится над водой. Дуб Мамврийский засох давно, но из старого дерева, рядом растет новое. В прошлом году пришлось быть там, и так порадовался, что от корней дерева, под которым Авраам встретил Бога, идет новый побег. И что самое удивительное, новый дуб повторяет форму того самого дуба, это большое утешение для церковного народа: Бог напоминает о Своем Завете с человеком, этот Завет жив.

Эсхатологических пророчеств было много, вот еще пример. В прошлом году я был в монастыре Савас в Палестине, там есть оливковое дерево, плоды которого, по молитве Богу даруют возможность зачатия неплодным женщинам. Столько лет оно было радостью для паломников, но вот оно засохло. А было предсказание, что оно засохнет в последние времена, и конечно, когда это случилось, было много горя. Но буквально два года назад из корней этой святыни выросло новое дерево, дает плоды, и польза от них - та же самая. Паломники едут, получают исцеление, женщины беременеют, и это удивительно радостно. Так что Господь все равно не оставит нас Своей милостью.

Об Афоне тоже много предсказаний. Это действительно святое место, передовая духовной битвы. Поэтому понятно то давление Евросоюза на Грецию, чтобы превратить остров молитвы в остров борделей и развлечений. А Греция давит на Кинот (власть) Афона, на десять старцев, которым монахи поручили управлять монастырями. Евросоюз вопит о нарушении прав женщин и требует их доступа на Святую гору, требует свободного доступа туристам в мужские монастыри. На это тратится огромное количество денег. Перспектива Афона в глазах европейских политиков проста: сначала нужно сделать из Афона музей, затем - постепенно выжить оттуда монашествующих. А дальше - занять это лакомый кусок для туристического бизнеса. Для этого уже строятся дороги. Под лозунгами охранения прав человека Греция обязала провести во всех монастырях канализацию и поставить унитазы, в монастырских гостиницах для паломников должен быть введены стандарты европейского сервиса. Поэтому в иных монастырских келиях можно увидеть стоящие неподключенные унитазы. Монахи шутят: должен быть унитаз - пусть стоит. Все изменения происходят пока незаметно, без конфликтов. Все понимают эти процессы. Конечно, сопротивление есть, в разных монастырях по-разному, но, так или иначе, эти процессы идут. Эти процессы унификации

и либерализма греха идут везде в мире...

В последнюю поездку на Афон больше всего меня поразило то, как изменились афонские паломники. Сам я первый раз приехал на сюда шесть лет назад. Тогда мне, собственно было все равно, куда ехать в паломничество, все мне было удивительно, все мне казалось прекрасным и святым. Сейчас это «сияние» неофитства прошло, и Святая гора воспринимается с трезвым трепетом перед святыней. Но вот в эту поездку я впервые столкнулся со странной для меня ситуацией. Беседую с паломниками-румынами, которые традиционно испытывают к русским некоторое неприятие. И они говорят мне, что хотели приехать на Афон, подали прошение, но ни один монастырь, кроме русского Пантелеимонова монастыря их не принял. А в русский им ехать не хочется! Такая у них неприятная на лицах гримаса: «Ну, опять к русским, ну как это можно терпеть?» Мне было удивительно, что у людей потерялось ощущение вот этого чуда, когда Бог молитвами Пресвятой Богородицы дарует тебе возможность побывать на Афоне. Ведь это же духовный дар! А люди воспринимают это как возможность поехать куда-то отдохнуть, приятно провести время и при этом еще выбирать апартаменты, где получше, еду, где повкуснее...

Для меня это осталось неприятной загадкой, почему афонские паломники изменились и почему таких людей становится все больше. Этих людей и паломниками назвать сложно, это новая ветвь туристической индустрии, которую можно назвать «религиозный туризм». Паломник - это все таки глубоко верующий, церковный человек, который едет прежде всего молиться и трудиться. Именно трудиться, потому что большой духовный опыт дает именно труд монастырский. Если приехать и празднично пошататься, ты увидишь мизерно мало. Конечно, увидишь святыни, мощи и т.д. Но побыть в монастыре изнутри, пожить этой жизнью - это совсем другое.

Чаще всего я приезжал в Пантелеимонов монастырь, в котором больше всего времени провел. Мне там - все родное потому, что куда бы я не пошел, везде там работал и молился. Был на строительстве церкви Петра и Павла пять лет назад, вот эту дорогу помогал мостить, вот эти стены красил, вот эти стасидии помогал делать, эту крышу застилал с плотниками, в архондарике - монастырском двореке - убирался. Любое послушание, которое давали, выполнял с радостью. И этой радостью наполнены стены монастыря святого Пантелеимона, который и так каждому русскому сердцу дорог. Почти также мне близок Ватопедский монастырь. Это греческий монастырь, многие конечно про него слышали и знают. Историй и легенд с ним связанных очень много. Там находится восемь всемирно известных

когда мы вышли на площадь перед храмом и начали петь «Христос воскрес» в том числе и по-русски, я прыгал как ребенок и кричал от радости «Ура, ура! Христос воскрес!» потому что была такая радость, что выразить ее невозможно. Туда стоит поехать, чтобы пожить там, поработать, потрудиться, помолиться и эта благодать, которую Господь посылает, ее потом долго в себе несешь и она в тебе прорастает. А как еще Царство Божие прорастет? И вот здесь понимаешь разницу между русскими паломниками и иностранными. Вот простая иллюстрация. В первый день Пасхи, на светлый понедельник в Карее, административном центре Афона идет Крестных ход с очень известной иконой Божией Матери «Достойно есть». Идет в скит святого Андрея Первозванного, когда-то русский скит, но после революции опустевший и сейчас наполненный греками. Мы заходим туда, в эти огромные ворота, а там архитектура, все фрески, иконы, все - русское. Греки идут тихонечко, медленно чего-то свое поют, молятся тихонечко, как-то все вяловато происходит. А наши почувствовали свое, родное, и вот кто-то начинает громко петь по-русски «Христос воскрес из мертвых...». Все остальные подхватили. И так это раздалось мощно, звучно, крепко. Даже стены скита, казалось, возрадовались возвращению родного, зазвучали многозвучным эхом. Это мощь - одна из характерных черт русского духа. Греки, у них нет такого, а у нас - есть. У греков есть солнечная радость, а у нас - сила и слава нашей родной земли, которую, по слову поэта, вдоль и поперек исходил Христос. Стоит русскому только запеть Пасху, как сонмы ангелов подхватывают его песню. Но часто, чтобы найти Пасху, русскому нужно поехать на Афон.

чудотворных икон. Начальным импульсом поехать туда, было желание встречи с Иосифом Ватопедским, один из учеников Иосифа Исихаста, святого, который очень много значит в моей жизни. Ватопед неслучайно называют «Царским монастырем», потому что ему более тысячи лет, и все цари Византии, а потом и Российской Империи покровительствовали ему. Как-то один монах из этого монастыря мне рассказал такую историю. У него послушание - ухаживать за одним храмом, я ему помогал. Мы пришли туда, все убрали, поставили свечи и он говорит:

- Ты знаешь, что этот храм построил английский принц Чарльз?

Я говорю:

- А что здесь делал принц Чарльз?

- Принц Чарльз - православный человек.

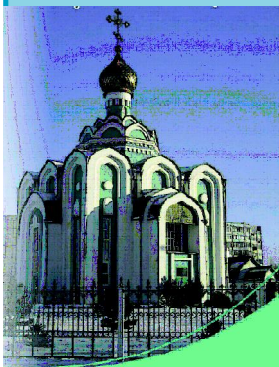
- Как такое может быть?

- Ты вспомни, кто был родной внучкой английской королевы Виктории? Это же императрица Александра Федоровна, святая страстотерпица. Не случайно, что святые страстотерпцы предстоят Богу, и молятся о своих родных, по их молитвам неслучайно все происходит. Я удивился, потому что в силу религиозного устройства

Англии, принц Чарльз должен быть частью англиканской церкви, и дивно, что он молится на Афоне православному. У него есть своя келья не только в Ватопеде, но и в сербском монастыре Хиландаре. Недавно, после пожара в Хиландаре, принц Чарльз пожертвовал весьма солидную сумму на восстановление. Представляю, какие противоречивые чувства разрывают этого человека, и в этом смысле он мне сразу стал симпатичен. Говорят, его яхту довольно часто видят в Ватопеде. Вообще Афон - это такая точка притяжения настолько разных людей, что только здесь можно понять, что такое Вселенская Церковь. Это не греческая, не русская, не болгарская, не американская, это нечто более емкое - для всего человечества. Емкое, и вместе с тем, сокровенное. Если мы и объединены чем-то, то это - единством во Христе воскресшем. Еще Ватопед привлекает своей особой атмосферой, он вообще - кипрский монастырь, там игумен и большинство монахов - киприоты. А киприоты, они немножко не греки, и поэтому в монастыре особая духовная линия, немного другое богослужение. В пасхальную ночь,

Иван Роса

Православная социально – миссионерская станция при Серафимовском приходе

- Священник
- Врач - нарколог
- Психолог
- Городская православная библиотека
- Православно – просветительский центр «Жизнь»
- Социальная служба

ул. Московская, 16 31-14-85

Слет воскресных школ Волжского благочиния «Волжский родник».

С 18 по 19 сентября в нашем благочинии по благословению Митрополита Волгоградского и Камышинского Германа состоялся первый слет воскресных школ «Волжский родник». Он проходил в рамках реализации экологической программы, признанной социально значимой и получившей в 2009 году грант администрации Волгоградской области. Его участниками стали воспитанники 7 воскресных школ, а также ребята из Волжского Дома милосердия, ансамбль «Синергия» Епархиального особого учреждения «Детско-юношеский центр православной культуры «Умиление» при Никольском храме с. Заплавное, ребята из детской общественной организации «Первые ласточки», Комплекса социально-досуговых центров детей и молодежи «Истоки», воспитанники православного Духовно-просветительского центра «Пилигрим». Последние приняли непосредственное участие в подготовке слета, организатором которого выступил храм Серафима Саровского. Инициатива Волжского благочиния была поддержана Комитетом по молодежной политике и патриотической работе Администрации г.Волжского. Более 100 участников слета собрались в субботнее утро у храма Серафима Саровского. Здесь благочинный Волжского округа протоиерей Петр Симора отслужил молебен и благословил ребят на доброе начинание. По его словам, «основной задачей слета является знакомство и объединение детей из различных воскресных школ, дальнейшее их сотрудничество. Ребятам, получающим воспитание в каждом из приходов, в ходе слета необходимо привести к пониманию, что они — не одни, это не тот маленький коллектив, который занимается в школе, что все мы — один православный народ. Сегодня воскресные школы выполняют очень важную миссию: через детей происходит воцерковление их родителей, знакомых, друзей, а уже задача священника — привить любовь к Богу». После молебна участники слета отправились в детский оздоровительный лагерь «Огонек». Здесь их ждала интересная и познавательная программа. За два дня, проведенных в лагере, ребята приняли участие в различных конкурсах и соревнованиях по краеведению «Край мой православный», экологии, учились оказывать

первую медицинскую помощь, преодолевали полосу препятствий. Завершился слет праздничным концертом и награждением – все участники получили памятные подарки и дипломы.

Обучение основам православной веры: в Волжском благочинии открылась огласительная школа.

По благословению Митрополита Волгоградского и Камышинского Германа 3 октября в Волжском благочинии открылась огласительная школа. Обучение в школе будет проходить в форме бесед, на которых священнослужители благочиния познакомят слушателей с основами Православного вероучения, расскажут о необходимости и значении Таинства Крещения, об ответственности и обязанностях родных и крестных родителей.

Крещаемые, родители и крестные должны будут посетить 3 огласительные беседы. По окончании огласительной школы слушателям будут выданы свидетельства, подтверждающие, что они готовы к принятию Таинства Крещения или к ответственности духовного родительства. Дополнительную информацию можно получить по телефону в г.Волжском 52-45-52.

ЦЕРКОВНЫЙ ЮМОР

- Можно от вас позвонить?

- Можно, только колокол не разбей!

Приходит на беседу к духовнику девушка - духовное чадо (длинная от пояса до пят юбка с таким же разрезом, скромная блуза и платок, закрывающий всё и вся).

Обращается, опустив очи долу к Батюшке: - "Батюшка! Выскажите свою концептуальную оценку по поводу последней монографии протоиерея Иоанна Мееendorфа посвящённой им Варлаамитско Паламитской полемике; написанной в эпоху окормления им русской диаспоры в Париже?" Батюшка: - "ЗАМУЖ! СРОЧНО ЗАМУЖ" !!!

Адам - Богу: - Я же просил жену из серебра!

Бог: - Так се ребро и есть!

Пришла одна сестра на исповедь к священнику и говорит: - Грешна я, святой отец, гордыня одолевает меня: каждый раз, когда я в зеркало смотрюсь, то думаю: "ах, какая я красивая!"

- Ну, это не грех, это заблуждение!

В записке "О Здравии": великомученицы Елизаветы. На вопрос о какой великомученице речь отвечает: "Дык эт я, милой!"

Батюшка обращается к маленькому Ване:

- Ваня, ты молишься перед едой?

- Нет моя мама хорошо готовит.

сайт Волжского благочиния - www.volblag.ru
сайт храма Иоанна Богослова - www.hram-ioann.ru

26 октября на канале ТВЦ в 18-15 в прямом эфире выходит передача "Азы Православия", где можно задать свои вопросы священнику о вере и жизни.

адрес редакции: г. Волжский, ул. Московская -16. тел.31-42-07.
E-mail: onoff@km.ru. Газета отпечатана в ОАО Альянс "Югполиграфиздат", Волжский полиграфкомбинат, по адресу: 404126.г. Волжский, ул. Пушкина, 79. тираж 998 Заказ

Не используйте газету на хозяйственные нужды !